

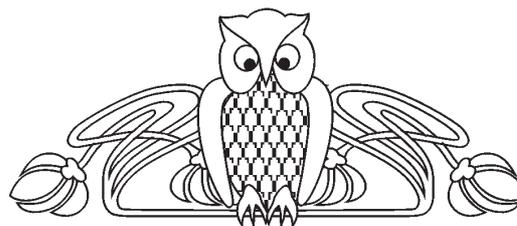

УДК 821.161.1.09-3+655.52+929Сологуб+929

ФЕДОР СОЛОГУБ И «ШИПОВНИК» (из внутриредакционных отношений)

Ю. С. Ромайкина

Саратовский государственный университет
E-mail: orel-55555@yandex.ru

В статье рассматриваются взаимоотношения владельцев и редакторов альманаха издательства «Шиповник» (С. Ю. Копельман, З. И. Гржебин, Б. Зайцев, Л. Андреев) с писателем Ф. Сологубом; прослежена история появления в альманахе «Шиповника» романа «Навы чары» с учетом литературно-критических отзывов на его публикацию.

Ключевые слова: Ф. Сологуб, «Шиповник», С. Ю. Копельман, З. И. Гржебин, Б. Зайцев, Л. Андреев, «Навы чары», принцип сериализации.

Fedor Sologub and «Shipovnik» (Rose-Tree) (his Relationships with the Editorial Board)

Yu. S. Romaykina

In the article the relationships between the Shipovnik Almanac publishing house owners and editors (S. Yu. Kopelman, Z. I. Grzhebin, B. Zaytsev, L. Andreev) and the writer F. Sologub are considered. The history of the publication of the novel «Nav's Charms» in the Almanac Shipovnik is traced taking into account literary reviews to its publication.

Key words: F. Sologub, Shipovnik, S. Yu. Kopelman, Z. I. Grzhebin, B. Zaytsev, L. Andreev, «Nav's Charms», serial publication.

В данном исследовании ставится задача на основе найденных архивных источников и отзывов критиков Серебряного века выявить роль Ф. Сологуба в выпусках литературно-художественного альманаха издательства «Шиповник» (1907–1917): обозначить факты творческой биографии в системе материалов альманаха, установить характер взаимоотношений между автором и владельцами, редакторами сборников; выявить литературные «инциденты».

В начале литературной деятельности Ф. Сологуб (1863–1927) принимал участие в таких журналах, как «Северный вестник», «Вопросы жизни». Однако именно сотрудничество с издательством «Шиповник» принесло писателю невероятный, отчасти скандальный литературный успех: изданный отдельной книгой в марте 1907 г. роман «Мелкий бес» прославил автора¹. С 1907 по 1910 г. книга переиздавалась шесть раз общим тиражом около 15 тысяч экземпляров. А Чебогаревская отмечала, что в 1906 г. Ф. Сологуб «вошел в сношения с вновь возникшим издательством “Шиповник”, издал у него “Политические сказочки”, а в следующем, 1907 г. – “Мелкий бес”; только в этом году определяется настоящий литературный успех Сологуба, до сих пор подвергавшегося исключительно невниманию и неодобрению

критики»². Кроме того, в «Шиповнике» в 1908 г. вышла «Книга разлук», в 1909-м – «Книга очарований» и третье переиздание романа «Тяжелые сны», а с 1909 по 1912 г. издательство выпустило первое Собрание сочинений Ф. Сологуба в двадцати томах.

Несмотря на эклектизм альманахов «Шиповника», в критике Серебряного века подчеркивалась их яркая «декадентская» составляющая: «...недавние вагоны декадентского экспресса перецепили к товарному поезду “Шиповника”»³. В литературоведении советского периода говорилось об «упадочных тенденциях» сборников: «На страницах буржуазной печати процветал культ индивидуализма, извращенности, предательства»⁴. В этой связи обычно ссылались на напечатанные в книжках «Шиповника» произведения Ф. Сологуба. С 1908 по 1914 г. в восьми сборниках появились: три части романа «Навы чары»⁵, рассказ «Путь в Дамаск» (Кн. 12. 1910), две драмы – «Заложники жизни» (Кн. 18. 1912) и «Любовь над безднами» (Кн. 22. 1914), десять стихотворений⁶.

Представляется необходимым остановиться на взаимоотношениях Ф. Сологуба с издателями и редакторами сборников.

Переписка писателя с совладельцем и редактором «Шиповника» С. Ю. Копельманом носила исключительно деловой характер и в основном касалась технической стороны составления альманаха: обсуждались количество глав романа «Навы чары» и их объем, сроки присылки рукописей и корректур.

Так, в письме С. Ю. Копельмана от 12 мая 1909 г. выражена озабоченность: «Вчера получена рукопись двадцать восьмой главы (“Королевы Ортруды”. – Ю. Р.). Между получением двадцать седьмой и двадцать восьмой прошла почти неделя. Медленность, с которой поступают части рукописи, меня прямо удручает. Согласно обещанию Вашему мы к 10 мая должны были иметь в своем распоряжении уже всю рукопись. Не представляю себе, когда мы сможем приступить к набору»⁷. Рукопись поступала очень медленно: «Ради всего святого прошу Вас, не подводите нас. Сегодня 23-е число, а конец был обещан к 15-му. Вся работа должна стать. Очень, очень прошу Вас прислать нам обратной почтой конец»⁸.

В письме по поводу той же третьей части «Навях чар» Ф. Сологуб сообщал, что доставил

в альманах 18 глав (с 26 по 43) и, ссылаясь на необходимость заняться очередным переизданием «Мелкого беса», считал во всех отношениях наиболее «удобным», если бы С. Ю. Копельман «нашел возможным ограничиться этими 18 главами»⁹.

Но, видимо, редактор не нашел такой возможности, в следующем письме Ф. Сологуб сообщал о присылке «маленькой» сорок четвертой «главки» и, сетуя на утомление, просил: «...и да будет она последнею в этой части» (так и случилось)¹⁰. Примечательно высказанное в этом письме желание автора (которое, впрочем, С. Ю. Копельман так и не удовлетворил): «Хотелось бы прибавить к этой части романа несколько объяснительных слов о “тихих мальчиках” и еще кое о чем, ввиду совершенно неверного истолкования их кое-кем из критиков. Да не знаю, устою ли»¹¹.

Ф. Сологуб часто опаздывал и с присылкой корректур, несмотря на многочисленные обещания: «На этот раз корректуру я не задержу несколько»¹²; «На этот раз я прочитаю ее (корректуру. – Ю. Р.) живым духом»¹³.

Писатель пытался решать с С. Ю. Копельманом также финансовые вопросы: «Дорогой Соломон Юльевич, в сию минуту я сижу без денег, жду их от “Шиповника”, не получаю, и потому скучаю. Пожалуйста, пришлите просимую сумму»¹⁴ (3 июля 1909 г.). В другом июльском письме 1909 г. Ф. Сологуб просит контору «Шиповника» в лице С. Ю. Копельмана уплатить за его петербургскую квартиру (обещал прислать дворника)¹⁵.

По замечанию Е. Н. Гуральник, отказ С. Ю. Копельмана взять в альманах один из рассказов в 1914 г. привел к окончательному решению Ф. Сологуба уйти из «Шиповника»¹⁶. Однако известно, что в 1918 г. писатель возобновил переписку с владельцем издательства¹⁷. А в вышедшем в Москве в 1922 г. первом (и единственном) альманахе «Шиповник. Сборники литературы и искусства» под редакцией Ф. Степуна было напечатано стихотворение Ф. Сологуба «Зыбкой радостью земною...».

С другим совладельцем издательства «Шиповник», З. И. Гржебиным, у Ф. Сологуба сложились дружеские, доверительные отношения. В письме 1907 г. З. И. Гржебин сообщил Ф. Сологубу о своем местоположении в Финляндии, где скрывался от тюрьмы, также передавал «горячий привет»¹⁸ сестре писателя; интересовался его жизнью: «Мне было бы очень приятно, если бы Вы написали, как живете, что пишете»¹⁹.

О творчестве Ф. Сологуба З. И. Гржебин отзывался с большим почтением: «Сейчас читаю “Навыи чары”. Очень, очень интересно. Красиво необыкновенно»²⁰, а просьбу прислать рукопись или корректуру выражал весьма деликатно: «... что готово, прошу Вас очень прислать теперь же, если найдете возможным. Нам было бы это очень желательно»²¹; «Прошу извинения за беспокойство»²².

Теперь обратимся к письмам Ф. Сологуба к З. И. Гржебину. В них в основном содержатся свидетельства финансовых затруднений писателя: «Вы имеете обо мне дурное мнение, как о человеке, который в деньгах не нуждается, а спрашивает из жадности. Рад бы быть таким, да вот беда: деньги в самом деле нужны. Никогда не был в состоянии и не умел копить, – что получим, то проживем»²³ (9 апреля 1907 г.). В письме от 17 июня 1907 г. Ф. Сологуб предлагал свои услуги З. И. Гржебину и желал постоянного сотрудничества в «Шиповнике»: «... мое начальство наконец придумало, что меня пора уволить; таким образом, я стал человеком, нуждающимся в определенном ежемесячном заработке. <...> Кроме того, если у меня не будет службы, то останется время, часть которого может быть употреблена в пользу “Шиповника”. Поэтому, не найдете ли возможным “Шиповник” выдавать мне ежемесячно, начиная с конца июля, рублей по 200, пока не истощится мой кредит. <...> Мне совестно, что я так пристаю к Вам с моими делами, но зато, может быть, я сумею быть Вам полезным»²⁴. При этом Ф. Сологуб подчеркивал свое расположение к З. И. Гржебину: «... я обращаюсь к Вам прежде всех потому, что это мне наиболее симпатично»²⁵.

Дружеские отношения между Ф. Сологубом и З. И. Гржебиным сохранились и после ухода писателя из «Шиповника». В основном в 1919 г. издательстве З. И. Гржебина вышли в свет два переиздания «Мелкого беса» (1923), отпечатанные в Петрограде и Берлине. 17 января 1922 г. З. И. Гржебин звал Ф. Сологуба в Москву: «Не могу Вам сказать, как обрадовали бы, если бы сюда приехали»²⁶, и сообщал о своем желании: «Я хочу издать альманах и прошу Вас, если у Вас имеется рассказ или новые стихи, послать мне сюда»²⁷. В конце письма звучит трогательный наказ: «Не забывайте Вашего друга, который неизменно любит и ценит Вас»²⁸.

Редактор первых трех сборников Б. Зайцев в январе-феврале 1907 г. активно привлекал Ф. Сологуба к сотрудничеству в новом альманахе. В письме от 29 января 1907 г. после перечисления авторов, произведения которых должны были войти в альманах (Л. Андреев, И. Бунин, М. Арцыбашев, О. Дымов, А. Куприн и др.), Б. Зайцев просил: «Если Вам не очень не нравятся эти фамилии и некоторая разношерстность их <...>, то пришлите рассказ»²⁹. Редактор добавил постскриптом: «Очень хотелось бы получить рассказ поскорей! Будьте добры, Федор Кузьмич»³⁰. Через неделю (6 февраля) Б. Зайцев повторил свою просьбу: «Я очень рад, что получил от Вас письмо, подающее надежды. Сборник предполагается выпустить в начале марта: было бы превосходно, если бы Вы прислали рассказ к половине февраля»³¹. Ф. Сологуб, по-видимому, задержал присылку рукописи, так как отзыв Б. Зайцева на полученную «Творимую легенду» датируется 30 марта.

Более сложные отношения сложились у Ф. Сологуба со сменившим в 1908 г. Б. Зайцева на посту литературного редактора альманаха Л. Андреевым.

Бесспорно, Л. Андреева можно назвать «гвоздем»³² альманаха, центральной фигурой сборников. Тем не менее значение Ф. Сологуба в «Шиповнике» нельзя недооценивать. М. Кузмин писал: «Как сборники “Знания” можно считать главным местом для произведений Максима Горького, альманахи “Шиповника” таким же для Леонида Андреева и Сологуба»³³. Л. Андреев познакомил автора «Мелкого беса» с владельцами «Шиповника».

В начале 1907 г. на Капри между М. Горьким и Л. Андреевым велись переговоры о передаче последнему редактирования сборников «Знания». Л. Андреев считал, что к сотрудничеству нужно привлекать новых авторов: «Нужно приглашать новых (на одних старых никуда не уедешь, жизнь уходит от них) <...>. По-моему, например, необходимо пригласить теперь же: Блока, Сологуба, Ауслендера, еще кой-кого. – Как бы не вышло у нас недоразумений?»³⁴. Но недоразумений избежать не удалось, так как М. Горький не желал видеть в своих сборниках наряду с прочими «новыми авторами» «старого кокетта Сологуба, ... склонного к садизму»³⁵.

По мнению Л. Андреева, задачей будущих сборников должна являться «свободная человеческая мысль, вечно пытающаяся, вечно ищущая, и как лучшее выражение ее – искусство, литература»³⁶. И символисты с данной задачей справиться способны: «Пусть плохо – но они ищут; пусть недостаточно мудро – но они мыслят; пусть они рабы – но рабы, которые жаждут свободы. И литературу они любят, быть может, даже больше, чем мы, – ибо утверждают ее самоцельность, работают над нею неустанно, тормозят ее ежечасно»³⁷.

Л. Андреев признавал сходство тем и мотивов у Ф. Сологуба с темами и мотивами собственного творчества: «И если бы я вздумал издавать журнал или книги для народа, для масс – они (символисты. – Ю. Р.) были бы последними, кого я мог бы пригласить. Но в такой журнал я не пригласил бы и Леонида Андреева – ибо как он ни демократичен по существу своему, – по форме писаний, по темам своим, по направлению мысли он так же далек от народа, как и они»³⁸.

Доводы Л. Андреева успеха не возымели. М. Горький оставался непреклонным. А между тем в деле переименования Л. Андреева «Шиповник» «действовал энергично»³⁹, и, начиная с четвертой книги, в 1908 г. писатель стал редактором альманаха.

Интересно проследить историю появления в альманахе одного из программных произведений «Шиповника», входящего в корпус его ключевых текстов – романа Ф. Сологуба «Навьч чары», и обратиться к отзывам критиков Серебряного века⁴⁰.

О популярности «Навьч чар» можно судить по надписи к шаржу 1907 г.: «Федор Навьч Сологуб, ныне славою несомый»⁴¹.

Одним из «чутких» критиков был неоднократно писавший о Ф. Сологубе и интервьюирующий его А. Измайлов: «Кажется, ни одно из произведений Сологуба не подвергалось такому усердному критическому обстрелу, как именно “Навьч чары”. Автору нередко приходилось сталкиваться с недоумением читателя и критика, не разбиравшихся ясно в этом романе чрезвычайно оригинального замысла»⁴².

Б. Зайцев был восхищен «Творимой легендой», первой частью романа «Навьч чары». 30 марта 1907 г. он писал Ф. Сологубу: «Мне она (“Творимая легенда”. – Ю. Р.) кажется вещь истинно вашей, “хороший Федор Сологуб”, как говорят о картинах. Считаю лишним распространяться о том, берем ли мы ее – конечно, берем»⁴³.

В письмах Б. Зайцева также содержится упоминание о возникшем при напечатании «Творимой легенды» недоразумении между редактором и автором. Предполагалось, что первая часть романа будет напечатана во втором сборнике «Шиповника». Однако произведение пришлось перенести в третий выпуск, так как во второй книге редакция была «задавлена Октавом Мирбо»⁴⁴. Суть разговора Б. Зайцев изложил в письме к Г. И. Чулкову (5 июня 1907 г.): «...я просил Сологуба дать рассказ для 2-го альманаха, потом оказалось, что вещь Мирбо так велика, что пришлось отложить до следующего. А он, по-видимому, обиделся»⁴⁵.

Конфликт обострился тем, что в итоге во втором сборнике «Шиповника» ни роман Ф. Сологуба, ни произведение Октава Мирбо так и не были напечатаны. Вместо них в альманахе появилась пьеса Сент-Жоржа де Буэлье «Король без венца». Через два года после выхода второй книги «Шиповника», 25 августа 1909 г., Б. Зайцев оправдывался перед Ф. Сологубом: «За 2-й сборник “Шиповника” мне перед Вами крайне неловко. В мое отсутствие (я был за границей) вместо Мирбо (отказавшегося) поставили Буэлье – отвратительную вещь, вместо которой, конечно, должен был быть Ваш рассказ. Могу уверить Вас только в одном, что это просто глупость вышла, но не “кознь”»⁴⁶.

Об обидчивом характере Ф. Сологуба писала М. М. Павлова. По ее мнению, писатель «пребывал в постоянной конфронтации с окружающими»⁴⁷. Источником обиды могло быть что угодно: «...он обижался на критику, шутки, пародии или совершенно беспочвенно»⁴⁸. М. М. Павлова объясняет стремление писателя встать в положение оскорбленного неутолимимым желанием «услышать в ответ слова любви и признания таланта»⁴⁹.

Первая часть романа «Навьч чары» была встречена критиками по большей части негативно. Так, рецензент «Русского богатства» отмечал: «...вне всякой критики новый роман г. Сологуба (правда, еще не конченный). <...> эти чисто со-

логубовские «ужимки и прыжки» – делают чтение «Навьи чар» делом тяжелым, прямо нестерпимым»⁵⁰. Но были и благосклонные отклики, например в газете «Волга. Астрахань»: «О романе Ф. Соллогуба говорить рано. Только первая часть его помещена в этом альманахе. Читается он с громадным интересом и написан по-соллогубовски, красочно, ярко. Словно весь залит солнцем»⁵¹. Примечательна последняя фраза «Словно весь залит солнцем», так как обычно «солнечным» автором альманаха критики называли Б. Зайцева⁵².

Признавая литературный талант Ф. Соллогуба, Л. Андреев тем не менее высказывался против напечатания второй части романа «Навьи чары». 21 марта 1908 г. он писал М. Горькому: «И в «Шиповнике» я тот же, каким был в «Знании». Мои товарищи – нет, не товарищи они мои. И редактирование «Альманаха» – его я начинаю с того, что отказываюсь печатать продолжение «Навьи чар». И не люблю я из них никого»⁵³.

Переводчик, педагог и собиратель частного «литературного музея» Ф. Ф. Фидлер в своем дневнике вспоминал реакцию Л. Андреева на появившуюся в одной из газет заметку по поводу его нежелания издавать продолжение «Навьи чар» в «Шиповнике» (дневниковая запись от 4 августа 1908 г.): «Андрееву эта заметка явно не понравилась: «Во-первых, я более не редактор «Шиповника». Во-вторых, продолжение называется «Капли крови» и представляет собой самостоятельный роман. В-третьих, я действительно в разговорах с сотрудниками альманаха не слишком лестно отзывался о «Навьи чарах»; но я надеялся, что это останется между нами. И вот об этом узнал Соллогуб! Это, наверно, задело его очень болезненно!»⁵⁴ Однако, вопреки желанию Л. Андреева, вторая часть романа «Навьи чары» «Капли крови» вошла в седьмую книгу альманаха (1908).

Критики единогласно отмечали ощутимую незавершенность романа, отсутствие связи между его частями, невозможность выполнить поставленную автором «громадную» задачу: «Очевидно, – вещь еще не окончена. <...> Не знаем, что будет дальше, но пока получается нечто удивительно сумбурное: ряд невероятных сцен, мало между собою связанных»⁵⁵; «В «странном и неверном» свете проходят перед нами все события этого еще не законченного романа, зачем-то печатающегося по частям, художественно невыкованного с обрывками фантастических и реальных картин, со смутно колыхающейся психологией, тяготеющей неизвестно к какой развязке»⁵⁶; «рассеянно и равнодушно – Соллогуб кидает нам наброски своего незаконченного романа»⁵⁷.

Третья часть «Навьи чар» под названием «Королева Ортруда» появилась в десятой книге «Шиповника» в 1909 г.

Х. Баран писал, что «задержка с выходом «Королевы Ортруды» (на несколько месяцев) <...> давала критикам возможность переосмыслить прежние свои формулировки уже на новом

материале и при необходимости уточнить их»⁵⁸. Однако снова в критических выступлениях звучали обвинения в неумении автора связать в единое целое все три части романа. Приведем замечание А. Дермана: ««Королева Ортруда» названа частью романа «Навьи чары». Но все попытки привести в связь эту часть с предыдущими нас ни к чему не привели. Как будто это сон героини романа, а, может быть, и не сон. Если и есть какая-нибудь связь, то и она слишком внешняя: а именно – во всех трех частях все женщины ходят босиком. Но на основании этого признака половина всех рассказов Горького составит – один роман из многих частей, и... связь обрывается»⁵⁹. Критик также высказал пожелание: «Если бы Соллогуб пообещал еще в ближайшем альманахе закончить свой роман, – это было бы лучше всего. Но боюсь, что напрасно к воплощениям стремятся мои утопии!»⁶⁰

«Навьи чары» задумывались как тетралогия: четвертая и пятая части романа под общим названием «Дым и пепел» должны были также войти в состав альманаха издательства «Шиповник». Однако в письме к Ф. Соллогубу от 31 августа 1910 г. З. И. Гржебин сетовал на невозможность продолжать выпускать «Навьи чары» частями и сообщал о решении редакции напечатать четвертую часть вместе с пятой. При этом он заверял: «Когда окончите весь роман, ближайший альманах будет посвящен ему, даже если там будет 600 000 букв»⁶¹. Несмотря на данное обещание, роман «Дым и пепел» так и не был напечатан в «Шиповнике». Он был издан только через два года, в 1912 г., по частям в 10-ом и 11-ом выпусках сборника «Земля».

Современные исследователи единогласны во мнении о нецелесообразности издания в альманахе произведений больших жанров в сериализованной форме. Так, Ю. Б. Балашова справедливо замечала, что «романный жанр в принципе никак не уместяется в компактный альманах, стремящийся не разрывать текст между разными номерами»⁶².

Принцип сериализации подробно изучался применительно к журнальным выпускам⁶³. Проблема с напечатанием в альманахах романов и повестей частями состояла в том, что сборники, в отличие от ежемесячных журналов, являлись изданиями непериодическими, и предсказать сроки появления продолжения оказывалось делом нелегким. Именно в этом видел Л. Соболев одну из причин появления большого числа негативных откликов о романе «Навьи чары»: «Сыграло свою роль и то, что роман печатался с большими интервалами между частями – цельной картины действия не получалось»⁶⁴.

С Л. Соболевым соглашался Х. Баран: «Большой разрыв во времени между публикациями его (романа. – Ю. Р.) частей вызывал раздражение читающей публики; возможно, что недоумение и возмущение рецензентов не достигли бы такого уровня, будь произведение опубликовано сразу целиком»⁶⁵.

Другой причиной сложности восприятия частей романа в их целостности Х. Баран называл своеобразный язык «Навьи чар», новаторскую форму повествования: «Конечно, роману, скроенному по канонам литературы XIX века, было бы легче выдержать долгие паузы между публикациями отдельных частей, но сологубовской новаторской прозе (“прехитрой вязи”) это оказалось не под силу»⁶⁶.

Присутствие в «Навьи чарах» реально-бытовой и фантастической сюжетных линий, их разрыв на повествовательные «дольки», которые в романе смешены довольно хаотично, способствовали, по мнению Е. Н. Гуральник, введению Ф. Сологубом в литературу новой формы романа, «при которой любое место можно переставить, выкинуть или оборвать роман на любой странице»⁶⁷. Этот прием, как мы видим, также не способствовал целостному восприятию романа читателями.

Другая проблема, связанная с изданием произведений больших жанровых форм в альманахах в сериализованном виде, заключалась в том, что нередко продолжение или окончание романов в данном издании так и не выходило. «Навьи чары» с напечатанными в «Шиповнике» тремя частями вместо пяти являются не единственным, но довольно показательным примером.

До выхода в свет «Дыма и пепла» в сборнике «Земля» в интервью А. Измайлову Ф. Сологуб так отвечал на обвинения в отсутствии единства между частями романа: «Вы говорите, что нельзя еще судить окончательно этот роман, потому, что он не закончен, и еще нет последней части “Дым и пепел”, которая, так сказать, сведет концы с концами? Но, по правде сказать, когда я писал эту вещь, я вовсе не думал о том, что мне непременно нужно сводить концы с концами. И я не знаю, может быть, появление этой последней части далеко не рассеет недоумения таких моих читателей. Что делать! Никакого комментария я не собираюсь давать к этому роману»⁶⁸.

Из этого высказывания следует, что целостное восприятие романа читателями и критиками не сильно беспокоило автора. При болезненном отношении к негативным отзывам, при всей своей обидчивости Ф. Сологуб, обладавший обостренным «я», ставил свое мнение гораздо выше суждений окружающих: «...все и во всем – Я, и только Я, и нет иного, и не было, и не будет»⁶⁹.

Высоко оценивая литературный талант писателя, издатели и редакторы «Шиповника» в письмах к Ф. Сологубу выражались предельно деликатно и вежливо, стараясь не задеть его чувств, не раздражить писателя, позволяя значительно задерживать присылку рукописей и корректур. Только иногда, когда тянуть с выпуском очередного сборника было уже невозможно, С. Ю. Копельман позволял себе настойчивые, а порой и резкие просьбы. Ф. Сологуб настолько ценили в качестве сотрудника издательства, что даже мнение Л. Андреева-редактора не повлияло на выход

его произведений в альманахах «Шиповника».

Однако трехлетнюю задержку с изданием последних двух частей «Навьи чар» С. Ю. Копельман и З. И. Гржебин позволить себе не могли.

Кроме того, следует помнить, что как тип издания альманахов отличается непериодичностью выхода сборников. Читатели и критики не знали точной даты появления в печати очередной книги «Шиповника», а в вышедшем через несколько месяцев альманахе не находили обещанного продолжения «Навьи чар». О романе забывали, и неожиданно, несколько выпусков спустя, обнаруживали в «Шиповнике» следующую часть. И эта часть, по сути, представляла собой отдельный роман, композиционная связь с предыдущим отрывком практически не прослеживалась.

Наличие постоянно сменяющих друг друга сюжетных линий (реальной и фантастической), отсутствие интриги в конце одной части, заставлявшей с нетерпением ждать продолжения, своеобразный язык «Навьи чар», новаторская форма повествования обескураживали читателей и рецензентов, порождая появление множества отрицательных отзывов.

Таким образом, можно заключить о неоправданности выпуска в альманахе издательства «Шиповник» частями, в сериализованной форме «Навьи чар» – одного из лучших произведений русского символизма, так как читателям и критикам не удавалось выстроить целостную картину, сложив вместе выходящие с периодичностью в полгода фрагменты романа.

Примечания

- ¹ Впервые роман «Мелкий бес» был напечатан в журнале «Вопросы жизни» (1905, №№ 6–11): «...публикация романа в журнальном варианте прошла совершенно незамеченной, и признание роман получил только после первого отдельного издания его в 1907 году издательством “Шиповник”» (Гуральник Е. Н. Признанные издания произведений Ф. К. Сологуба в русской книжной культуре конца XIX – начала XX века. М., 2009. С. 8). См. также: Ванюков А. «Вопросы жизни» – журнал 1905 года // Изв. Саратов. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 93–102.
- ² Федор Сологуб. Библиографическая справка Анастасии Чеботаревской // Русская литература XX века, 1890–1910 : в 2 кн. / под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 2000. Кн. 1. С. 389.
- ³ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 174.
- ⁴ Голубева О. Из истории издания русских альманахов начала XX века // Книга. Исследования и материалы. М., 1960. Вып. 3. С. 315.
- ⁵ «Творимая легенда. Первая часть романа “Навьи чары”» (Кн. 3. 1908), «Капли крови. Вторая часть романа “Навьи чары”» (Кн. 7. 1908), «Навьи чары. Часть третья. Королева Ортруда» (Кн. 10. 1909). Изначально роман «Навьи чары» задумывался как тетралогия: роман «Дым и пепел» в двух частях вышел в 10-м и 11-м выпусках сборника «Земля» (1912). В томах 18–20 объ-

- явленного петербургским книгоиздательством «Сирин» Полного собрания сочинений Ф. Сологуба в 20 томах (1913–1914) роман вышел под новым названием «Творимая легенда» и состоял уже из трех частей: «Капли крови», «Королева Ортруда» и «Дым и пепел».
- 6 Кн. 12 (1910): Стихи. 1. «В душе моей затхлая мгла...»; 2. «Какая тягостная встреча...»; 3. «О, покорись, пока не поздно...»; 4. «О, злая жизнь, твои дары – ...»; 5. «На перепутье бытия...»; 6. «Все эти ваши слова...». Кн. 15 (1911): Стихи. 1. «Перехитрив мою судьбу...»; 2. «Беспредельно утомленье...»; 3. «Краем прибрежной кручи...»; 4. «Опять ночная тишина...».
- 7 РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 347.
- 8 Там же.
- 9 РО ИРЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 23. Письмо 10.
- 10 РО ИРЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 23. Письмо 16.
- 11 Там же.
- 12 РО ИРЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 23. Письмо 10.
- 13 РО ИРЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 23. Письмо 16.
- 14 РО ИРЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 23. Письмо 1.
- 15 См.: РО ИРЛИ. Ф. 485. Оп. 1. Ед. хр. 23. Письмо 13.
- 16 См.: *Гуральник Е.* Прижизненные издания произведений Ф. К. Сологуба в русской книжной культуре конца XIX – начала XX века. С. 18. Разрыв с «Шиповником» назревал уже с 1912 г., когда Ф. Сологуб, по замечанию А. Блока, перешел в «Сирин» (см.: *Блок А.* Собр. соч. : в 8 т. М. ; Л., 1963. Т. 7. С. 167) и издал в 1913–1914 гг. собрание своих сочинений в 20 томах (тома 1, 2, 4, 8 и 10 не вышли в свет).
- 17 См.: РГАЛИ. Ф. 593. Оп. 2. Ед. хр. 27.
- 18 См.: РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 205.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 РО ИРЛИ. Ф. 485. Ед. хр. 28. Л. 1.
- 24 РО ИРЛИ. Ф. 485. Ед. хр. 28. Л. 3–4.
- 25 РО ИРЛИ. Ф. 485. Ед. хр. 28. Л. 3.
- 26 РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 205.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 *Зайцев Б.* Собр. соч.: в 11 т. Т. 10 (доп.). Письма 1901–1922 гг. Статьи. Рецензии. М., 2001. С. 32.
- 30 Там же.
- 31 Там же. С. 33.
- 32 По мнению Б. Зайцева, Л. Андреев «в альманахах издательства слыл гвоздем» (Книга о Леониде Андрееве. Воспоминания Горького, К. Чуковского, А. Блока, Георгия Чулкова, Б. Зайцева, Н. Телешова, Евг. Замятина, А. Белого : сб. Берлин ; СПб. ; М., 1922. С. 137).
- 33 *Кузмин М.* Заметки о русской беллетристике. Земля, сборник седьмой. Московское книгоиздательство. Москва. 1911 г. // Аполлон. 1911. № 10. Отд.: Хроника. С. 72.
- 34 Горький и Леонид Андреев : Неизданная переписка // Лит. наследство. М., 1965. Т. 72. С. 284.
- 35 Там же. С. 287.
- 36 Там же. С. 290.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Там же. С. 284.
- 40 Стоит выделить статью современного американского литературоведа Х. Барана, в которой проведена тщательная работа по разысканию и систематизации первых критических откликов на «Творимую легенду». Исследователь отмечал: «Новое большое произведение писателя, уже имевшего на своем счету один “бестселлер” («Мелкий бес». – Ю. Р.), не могло не оказаться в центре внимания читающей публики» (*Баран Х.* Федор Сологуб и критики : споры о «Навях чарах» // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 234).
- 41 *Дорофеев А.* Предисловие // Сологуб Ф. Капли крови. Избранная проза. М., 1992. С. 11.
- 42 *Измайлов А.* У Ф. К. Сологуба (интервью) // Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 2 / сост., подгот. текста, послесл. Л. Соболева ; коммент. А. Соболева. М., 1991. С. 229.
- 43 *Зайцев Б.* Указ. соч. С. 35.
- 44 Там же.
- 45 Там же. С. 37.
- 46 Там же. С. 55–56.
- 47 *Павлова М.* Писатель-Инспектор : Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 339.
- 48 Там же. С. 351.
- 49 Там же.
- 50 [*Якубович П. Ф.*] Литературно-художественные Альманахи издательства «Шиповник». III. СПб. 1908. // Русское богатство. 1907. № 12. Отд.: Новые книги. С. 175.
- 51 *Янтарев Е.* [Бернштейн Е. Л.]. О третьем альманахе «Шиповника» // Волга. Астрахань, 1908. 11 февр. (№ 5). С. 2.
- 52 Ср.: «В наши хмурые дни Зайцев поет и пьет солнце, и на лучи похожи его рассказы. <...> Опьяненный солнцем, он вливает его и в наши усталые души. Что-то майское и молодое трепещет в рассказе» ([*Айхенвальд Ю. И.*] Литературно-художественные альманахи. Кн. I. 1907 // Русская мысль. 1907. Кн. 4. Библиогр. отд. С. 66).
- 53 Горький и Леонид Андреев : Неизданная переписка // Лит. наследство. М., 1965. Т. 72. С. 307.
- 54 *Фидлер Ф.* Из мира литераторов: характеры и суждения. М., 2008. С. 499.
- 55 *Бельский Ад.* [Пинкевич А. П.]. Литературная хроника. Седьмой альманах «Шиповника» // Камско-Волжская речь. Казань, 1908. 11 дек. (№ 58). С. 3.
- 56 *Гуревич Л.* Оторванные души. Леонид Андреев и Федор Сологуб в седьмом альманахе «Шиповника» // Правда жизни. 1908. 8 дек. (№ 2). С. 3.
- 57 Там же.
- 58 *Баран Х.* Федор Сологуб и критики : споры о «Навях чарах». С. 236.
- 59 *Дерман А.* Литературные заметки. Альманах «Шиповник», кн. X // Южные ведомости. Симферополь, 1909. 24 сент. (№ 218). С. 2.
- 60 Там же.
- 61 РО ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 205.

- ⁶² Балашова Ю. Эволюция и поэтика литературного альманаха как издания переходного типа. СПб., 2011. С. 206.
- ⁶³ Проблему сериализации на примере текста романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» в журнале «Русский Вестник» изучал У. М. Тодд. (См.: Тодд У. «Братья Карамазовы» и поэтика сериализации // Русская литература. 1992. № 4. С. 32–38.). См. также: Гапоненков А. А. Журнал «Русская мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов, 2004. С. 76–77; Неклюдов С. А. Проблема целостности романов Ф. М. Достоевского (на

примере романов «Идиот» и «Бесы»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

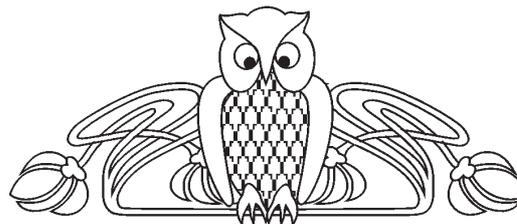
- ⁶⁴ Сологуб Ф. Творимая легенда. М., 1991. Кн. 2. С. 272.
- ⁶⁵ Баран Х. Федор Сологуб и критики: споры о «Навях чарах». С. 258.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Гуральник Е. Заложник жизни (Современники о Ф. К. Сологубе) // Библиография. 2000. № 5. С. 155.
- ⁶⁸ Измайлов А. Указ. соч. С. 230–231.
- ⁶⁹ Сологуб Ф. Книга совершенного самоутверждения // Сологуб Ф. Говоримая легенда. С. 148.

УДК: 821.161.1.09-1+929Цветаева

АНРИ ДЕ РЕНЬЕ И А. С. ПУШКИН В МЕТАПОЭТИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

С. Ю. Корниенко

Институт мировой литературы имени Горького, Москва
E-mail: sve-kornienko@yandex.ru

Статья посвящена проблеме интерпретации авторской идентичности в соотношении с актуальным (символизм, поэтическая идеология журнала «Аполлон») и универсальным (Пушкин) поэтическим канонами. Анализируются формы поэтического самоопределения начинающего поэта (Марина Цветаева), взаимоотношения «учитель» – «ученик» в паре Цветаева – Волошин, способы трансформации пушкинского мифа, определившие индивидуальную поэтику Марины Цветаевой.

Ключевые слова: самоидентификация, поэтика Марины Цветаевой, поэтика Максимилиана Волошина, литературный дебют, круг чтения, ошибочное чтение, деканонизация.

Henri de Régnier and A. S. Pushkin in Marina Tsvetayeva's Meta-poetics

S. Yu. Kornienko

The article deals with the problem of the interpretation of an author's identity in correlation with the literary actuality (symbolism, poetic ideology of the *Apollon* journal) and the universal poetic canon (Pushkin). We analyze the forms of poetic self-identification used by the young poet in formation (Marina Tsvetayeva), the mentor – disciple relationship between Voloshin and Tsvetayeva, and ways in which Tsvetayeva transforms the Pushkin myth in the process of creating her individual poetics.

Key words: self-identification, Marina Tsvetayeva's poetics, Maximilian Voloshin's poetics, literary debut, circle of reading, misreading, decanonization.

В эстетике русского модернизма вопрос авторской идентичности, прозревание себя через «другого» – от реальной или мифологической личности до литературных направлений и стилей, представляющих эстетический продукт «коллективной личности», – относится к ключевым в самоопределении поэта или художника. Вступление юной Марины Цветаевой в литературу (декабрь 1910 г.) совпадает с кризисом символизма и обо-

стрившейся в связи с ним дискуссией о дальнейших путях развития модернизма. Немалую роль в таких дискуссиях играл вопрос, связанный с нормированием «круга чтения» начинающих литераторов – «учеников», что уже зрелая Марина Цветаева, обратившаяся к своему опыту вступления в литературу, отразит в эссе «Живое о живом», задав тему «книговорота» между автобиографической строптивой ученицей и «старшим, матерым, бывалым» Максимилианом Волошиным.

Ложная локализация читающей автобиографической героини «Живого о живом» исключительно на «неприличном» романе «Встречи господина де Брею»¹, метонимически проецируемом как на все творчество А. де Ренье, так и – шире – на актуальный в момент ее вхождения в литературу «эстетизм» («я ни романов Анри де Ренье, ни драм Клоделя, ни стихов Франси Жамма тогда не приняла»), демонстрирует, что «ошибочное чтение» является действующим приемом в цветаевском арсенале методов дискредитации «сильного текста»:

«Восемнадцатый век. Приличный господин, но превращающийся, временами, в фавна. Праздник в его замке. Две дамы-маркизы, конечно, – гуляющие по многолюдному саду и ищущие уединения. Грот. Тут выясняется, что маркизы искали уединения вовсе не для души, а потому, что с утра не переставая пьют лимонад. Стало быть – уединяются. Подымают глаза: у входа в грот, заслоняя солнце и выход, огромный фавн, то есть тот самый Monsieur de Bréot.

В негодовании захопываю книгу. Эту – дрянь, эту – мерзость – мне? С книгой в руках и с неизъяснимым чувством брезгливости к этим рукам за то, что такую дрянь держат, иду к своей приятельнице и ввожу ее непосредственно в грот. Всканивает, верней, высказывает, как оженная.